

Странники, беженцы, богомольцы. Прп. Паисий Величковский и проблема паломничества*

А. М. Брискина-Мюллер

Саксонская академия наук в Лейпциге,
Критическое издание писем Ф. Я. Шпенера на территории Заведений Франке
Германия, 06110, Галле (Заале), Франкенплац 1, 24

Для цитирования: Брискина-Мюллер А. М. Странники, беженцы, богомольцы. Прп. Паисий Величковский и проблема паломничества // Вопросы теологии. 2019. Т. 1, № 2. С. 235–251. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.204>

Прп. Паисий Величковский (1722–1794) известен прежде всего как возродитель старчества и переводчик святоотеческих текстов, вошедших в состав «Добротолюбия». Менее известна его роль как настоятеля братства, основанного им на Афоне, и подвизавшегося затем в Молдавии. В то время как в среде славянских балканских народов повсеместно набирали силу тенденции к национальному освобождению и церковному обособлению, а вместе с тем и к внутривослывной нетерпимости, прп. Паисий духовно окормляет монахов около десяти национальностей, вводит двуязычные (славянские и румынские) богослужения и соборные поучения, ведет переписку на трех языках (славянском, румынском, греческом). Имея личный опыт странничества и знание монашеской жизни трех разных культурно-политических пространств (Российской империи, Молдовлахии и Афона), а также опыт взаимопослушания, прп. Паисий оказывается способным сохранить одновременно и многоязычие, и единодушие в столь неоднородном братстве. Он создает условия для приема посторонних на территории монастыря и при этом открыто формулирует свое весьма неоднозначное отношение к странничеству — как в форме паломничества, так и в форме странствующего монашества. Составленный им Драгомирский устав (1763 г.) также амбивалентен в отношении к посторонним. Странничество и странноприимство, многоязычие, взаимопослушание и непрестанное чтение составили фундамент, на котором создавался Паисиев «проект», несущий в себе не только традиционные элементы восточного монашества,

---

* Статья представляет собой расширенную и значительно переработанную версию доклада «Странничество как духовное делание. Паисий Величковский и его многонациональное братство», сделанного в монастыре Бозе (Magnano, Italia) на конференции, посвященной теме «Странничество» (6–9 сентября 2017 г.). См.: *Briskina-Müller A. M. Ospitalità come opera spirituale. Paisij Velickovskij e la sua comunità multi-etnica // Il dono dell'ospitalità / ed. by Adalberto Mainardi. Magnano: Monastero di Bose, 2018. С. 183–200.*

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2019
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2019

но и черты эпохи, позволяющие рассматривать его как часть просвещенческого «проекта».

Ключевые слова: монашество, странничество, странноприимство, паломничество, миряне в монастыре, православие в XVIII в., Киевская академия, православие и Просвещение.

Если вчитываться в автобиографию прп. Паисия, писавшуюся им в 1790-х гг. и оставшуюся незавершенной¹, возникает ощущение постоянного движения: Паисий все время куда-то идет, постоянно ищет спутников и провожатых, встречается странствующих монахов и «христороубцев», помогающих странникам. Автобиография прп. Паисия и другие источники этого времени² дают картину интенсивного людского движения на территории Российской империи, в Валахии, Молдавии и на Афоне в XVIII в. Шагали по дорогам и плыли по морю паломники и купцы, по деревням ходили нищие, странствующие монахи, бродячее духовенство: «безместные попы»³, рукоположенные в России, но не имевшие своего прихода. Бродили так называемые «дикие попы» — российские подданные, безнадзорно рукоположенные в Молдавии⁴ и странствовавшие затем по Российской империи в поисках заработка. Бродили разного рода сомнительные личности: упоминаются, например, «своровавшиеся» старцы⁵ — монахи, провинившиеся в своем монастыре на польской территории и бежавшие на российскую под видом гонимых за веру. По дороге всех их подстерегали

¹ Величковский Паисий, прп. Повесть о святем соборе // Величковский Паисий, прп. Житие и избранные творения: церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А. П. Власюка. Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014.

² Например, самосвидетельства: [Турчиновский Илия] Автобиография южно-русского священника первой половины XVIII столетия // Киевская старина. 1885. № 2; Григорович-Барский Василий. Странствования по святым местам Востока, с 1723 по 1747 гг. Ч. I. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1885. Большое количество сведений собрано в кн.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на велико-русскую церковную жизнь. Т. I. Казань: Изд-во книжного магазина М. А. Голубева, 1914 (репринт: Гаага; Париж: Изд-во «Мутон», 1968).

³ В начале XVIII в. стали появляться запреты на исповедь у безместных, «волочащихся» попов (см., напр.: Духовный регламент (Регламент, или Устав духовной коллегии). СПб.: Синодальная тип., 1776. 82, § 18). См. также: Смирнов С. Древне-русский духовник. Исследование по истории ценковного быта. М.: Синодальная тип., 1913. С. 18. См. также: Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси [1-е изд. — Православное обозрение. 1867]. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра [1-е изд. — Казань, 1873]. СПб.: Коло, 2003 (репринт обоих изданий). П. В. Знаменский пишет о том, что бесчестье и даже побои принуждали священника уходить в другие места и зарабатывать требосвершительством (Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси... С. VI /171).

⁴ См.: Тальберг Н. История Русской Церкви. Джорданвилль; Нью-Йорк: Свято-Троицкий Монастырь, 1959. С. 616.

⁵ Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 39 и далее. Много материала собрано в прекрасной работе: Яременко М. Київське чернецтво XVIII ст. Київ: ВД «Киево Могилянська академія», 2007; см. также: Шульга Я. Паломництво до київських православних святинь у XVIII ст.: дис. Київ, 2015.

другие «странники» — многочисленные разбойники, грабившие их и иногда убивавшие⁶.

Сохранились описания массовых переходов целых монастырей⁷, например с территории Речи Посполитой, на московскую территорию. Еще в середине XVII в. у патриарха Никона была идея заселить основанный им Иверский валдайский монастырь западно-руссами (белорусами) из Оршанского Кутейнского монастыря. В Иверский монастырь переехало около семидесяти «старцев», монахов, которые сразу прослыли здесь «иноземцами». Эти «иноземцы» «не возлюбили» великорусских «старцев», так что последние, «заплакав, пошли вон» с Валдая и разошлись по разным монастырям, «а иные тайно побежали», захватив казенную одежду и обувь⁸. На поиски этих беглых «старцев», в свою очередь, отправляли других «старцев» и прочее, и прочее.

Ходили собиратели милостыни, посланные восточными патриархами и отдельными монастырями; русские монахи шли к грекам, например за книгами; греки шли к русским — в качестве учителей; афониты шли в Молдовлахию — за пожертвованиями. Западнорусские монахи шли в XVII в. в Московское царство — за лучшей жизнью, а киевские монахи в XVIII в. — в качестве архиереев и учителей. Из Российской империи в XVIII в. монахи бежали в Молдовлахию и на Афон — от ограничений, налагаемых на монастыри и монашество Духовным регламентом и императорскими указами, или просто от жестокости настоятеля⁹. Из западнорусских земель и из Киева одни уходили на запад — учиться у латинян¹⁰ или протестантов¹¹, а другие, наоборот, уходили на юго-восток и восток от латинского учения, в поисках духовного руководства. В числе последних в конце 1730-х — первой половине 1740-х гг. был юный Петр Величковский.

Будущему прп. Паисию довелось испытать на себе несколько форм странничества. Еще будучи школьником в Киеве, он ходил по скитам и монастырям в качестве паломника, присматривающегося к монахам и приме-

---

⁶ Много подобных случаев описано в «Автобиографии южно-русского священника». В автобиографии прп. Паисия Величковского упоминается страх повстречать в дороге разбойников.

⁷ См. документы, собранные Харламповичем (*Харлампович К. В.* Малороссийское влияние. С. 55 и далее, с. 262–268).

⁸ *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние. С. 268.

⁹ Сам прп. Паисий в юности ушел из Любечского монастыря именно по этой причине. С ним бежали его товарищи. См.: *Величковский Паисий, прп.* Повесть о святом соборе. С. 62.

¹⁰ Автор «Автобиографии южно-русского священника...» проводит годы в скитальчестве: «Отйшол 1710 года из Березане по школам волочиться». Упоминает он также, что хотел «отийти в Полщу, в Могилев, для обучения языка латинского и провидения по свету людского обхождения ([*Турчиновский Илия*] Автобиография южно-русского священника. С. 325).

¹¹ Например, будущий архиеп. Псковский Симон (Тодорский) учился в немецком Галле.

рящегося к их жизни. В качестве странствующего монаха — еще до основания братства — он прошел около пятнадцати скитов и монастырей на пограничных территориях Российской империи и Речи Посполитой, а потом в Молдавии и на Афоне. Из Любечского монастыря недалеко от Чернигова Паисий бежал после пощечины настоятеля, прожив там всего три месяца¹². Из Киево-Печерской лавры он ушел, прожив там год, — ушел тайно, влекомый желанием жить не в огромном монастыре, а в послушании у старца-отшельника. Так он неоднократно становился беглым монахом.

В Молдавию Паисий пришел нищим странником, изнемогающим от голода, холода и болезней, не знающим толком, куда идти, и жил какое-то время в тамошних румыноязычных скитах. Затем, оставив Молдавию, он ушел на Афон, имея за плечами годы странничества и двуязычия, и оказался в ситуации третьего языка (греческого), но тут же опять пустился в путь — в поисках духовного руководства. Не обретя наставника, Паисий решает на отшельничество, но и здесь он в постоянном движении: сначала в славянских (болгарском и сербском), а затем в греческих монастырях Афона он ищет святоотеческие книги — руководства по монашеской жизни и молитве. По его собственному свидетельству¹³, болгарские и сербские братья не дали ему умереть от голода, снабжая сухарями.

История его братства начинается с ситуации двуязычия. Первым братом, пришедшим к украинцу Паисию с просьбой принять его в ученики, был румынский монах Виссарион. Паисий, не быв никогда в послушании, как он свидетельствует о себе¹⁴, не считал возможным принимать учеников. Виссарион просил настойчиво, долго и со слезами, поэтому Паисий задумался и предложил ему жить во *взаимопослушании*¹⁵, а вместо на-

¹² Сцену с пощечиной Паисий описывает в своей автобиографии: «...толь крепко оудари мя в ланиту яко едва возмог оудержатися на ногах, еще же и пхнувшу ему мене падох чрез праг келлии его... Аз же изшед вон весь трепетах от страха...» (*Величковский Паисий, прп.* Повесть о святем соборе. С. 62). Прегрешение состояло в том, что Паисий, который нес послушание келаря, выдал поварам для настоятеля не ту капусту. Речь идет о новоназначенном игумене Германе Загоровском.

¹³ Упоминается в ответе молодого Паисия Афанасию Молдаванину: *Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie // Sfântul Paisie de la Neamț, Cuvinte și scrisori duhovnicești: in 2 vols. Vol. 2. [S.l.]: Editura Doxologia, 2010. P. 38–108, 52.* Сербские и болгарские «благодетели», дававшие ему книги, упоминаются и в письме Паисия другу юности иерею Димитрию. См.: *Величковский Паисий, прп.* Первое послание иерею Димитрию // *Прп. Паисий Величковский. Житие и избранные творения: церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А. П. Власюка.* Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014. С. 409.

¹⁴ Например, в автобиографии: «И тако аз оканный останах аки овца заблуждшая без пастыря моего и наставника в самочинии и самоволиих вся дни живота моего изжив. И не сподобихся нигдеже в повиновении отца некоего пребывати» (*Величковский Паисий, прп.* Повесть о святем соборе. С. 86).

¹⁵ Прп. Паисий описывает это в письме митр. Гавриилу Калимахи, известном также как Драгомирский устав 1763 г. («Оустав старца Паисия») (заголовок на титульном листе рукописи: «Житие старца Паисия»): Виссарион («брат един дин немул румунеск») начал

ставника взять себе в учителя Св. Писание и святоотеческие творения. Так двуязычие, взаимопослушание и непрестанное чтение¹⁶ ложатся краеугольным камнем в фундамент паисиева братства.

Братство сменило несколько монастырей, причем переселения начались еще на территории Афона. В 1763 г. Паисий с братьями вынужденно покидает Афон из-за постоянных забот о пропитании, забиравших у них фактически все время и силы¹⁷. Странствующее братство прибывает в Молдавию и начинает искать себе место (это было именно братство, а не группа отдельных странствующих монахов). Поселившись в монастыре Драгомирна на Буковине, братство через 12 лет, в 1775 г., было вынуждено вновь сняться с места в связи с переходом Буковины (принадлежавшей до тех пор Османской империи) к Австрии. Паисий с братьями переходят жить в монастырь Секул, тесный, располагавшийся в труднодоступном месте, — обстоятельство, уже через четыре года, в 1779 г., приведшее тогдашнего правителя земли князя Константина Моруза к идее переселить их в просторный, известный, но почти нежилой монастырь Нямец, находившийся в двух часах ходьбы от Секула. Паисий знал странническую жизнь не понаслышке.

Получив в 1763 г. монастырь в Драгомирне, Паисий пишет письмо митрополиту Молдавии Гавриилу Калимаху, благодарит его за теплый прием и просит благословить устав братства¹⁸, который он тут же и излагает. Этот устав, пишет он¹⁹, братство начало соблюдать еще на Афоне.

его «нудити зелным своим прошением принятия его во оученичество». Поэтому Паисий решил «с онем братом яко единомысленным и единодушным, средный путь иноческаго жития избрати, сиречь со едином братом или со двема житие, як и от Святаго Писания и от богодухновенных отец известны и похвалны, еже того ради презрев свою немощь и неразумие, всю же мою о моем и брата исправлении на Бога возложив надежду наставника незабудна ко спасению мне же и брату моему предложив писание святое, дерзнув онаго брата принять» (РНБ. Ф. 573. СПбДА. № 279. Л. 117).

¹⁶ О значении чтения для монаха в глазах Паисия Величковского см.: *Брискина-Мюллер А. М.* «Прилепись всюю душою твоею к чтению книжному!». Чтение — забытая категория аскетического богословия прп. Исаака Сирина, Григория Синаита и Паисия Величковского // *Богословский вестник.* 2018. 31. С. 93–122.

¹⁷ Тяжелейшие обстоятельства, сопровождавшие возникновение и первые годы братства, прп. Паисий описывает в письме Афанасию Молдаванину. См.: *Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie.*

¹⁸ О славянских и румынских рукописях Устава см.: *Pelin Valentina.* Paisianismul în contextul cultural și spiritual sud-est și est european (sec. XVIII–XIX). Chișinău: Editura Pontos, 2014. P. 126 и далее. Славянский текст до сих пор не публиковался. В настоящей статье используется текст «Устав старца Паисия» из РНБ (Ф. 573. СПбДА. № 279. Л. 175–202). Румынский текст устава: *Așezământul vieții de obște del la Mănăstirea Dragomirna // Sf. Paisie de la Neamț. Cuvinte și scrisori duhovnicești.* In 2 vols. Vol. 2. [S.l.]: Editura Doxologia, 2010. P. 109–136. Подробный пересказ устава на русском языке сделан прот. С. Четвериковым в книге «Молдавский старец Паисий Величковский» (несколько раз переиздавалась, см., напр.: *Четвериков С., прот.* Молдавский старец Паисий Величковский. Минск: Изд-во Свято-Елисаветинского монастыря, 2006. С. 131–140).

¹⁹ РНБ. Ф. 573. СПбДА. № 279. Л. 183.

Драгомирнский устав содержит ряд традиционных мотивов — таких, как нестяжание, неимение ничего своего (§ 1), послушание насельников настоятелю и братьям как Самому Богу (§ 2) и др.

Ряд пунктов устава непосредственно связан с темой странничества, с темой «чужих»: устройство больницы (§ 12); устройство странноприимницы (§ 14); параграф устава, касающийся женщин (§ 15); параграф, касающийся сохранения многоязычия (§ 17), и параграф о паломниках (§ 18). В параграфах 15, 17 и 18 Паисий просит митрополита благословить братию не пускать женщин на территорию монастыря, не делать обитель местом паломничества и не принимать странствующих монахов. Эти запреты нуждаются в рассмотрении.

В отношении недопущения женщин биограф старца Паисия Митрофан подтверждает, что женщинам вход в монастырь был строго запрещен²⁰. Однако все эти параграфы, касающиеся женщин и паломников, ослабляются указанием на то, что возможны исключения, например в ситуации войны²¹. И действительно, в первую неделю Рождественского поста 1768 г. в Драгомирнский монастырь хлынул народ, спасаясь от турок и татар, когда «возжеся пол вселенныя»²²:

Самыя главныя и первыя в свете две империи Российская и Турецкая возмутились ярящеся, огнедышуще воздвигошася друг надруга: Молдавия и Мунтянская земля восколебашася, жителие вострепеташа от страха смертнаго и разбегошася: гори леси и монастыри наполнишася народом... Тогда и нашему монастырю, яко крепчайшему от всех Молдавских монастырей, в лесу сущу превеликому, и месте неудобопреступному, притекоша богатии и оубогии, множество безчисленное людей, и ...в пост Рождества Христова первыя седмицы: исполниша монастырь, что и пройти невозможно, такожде окрест монастыря и лес: тогда блаженный старец видя таковую неисповедимую нужду, и бедствие людей, зима бо бе и снег: они же полунаги и боси многии, не могуще ни одеяния ни пищи от страха взяти, точию с душами и детми избегоша. Даде болярю пол монастыря, и пол за братий, и пребывах по три и четыри и пять братий в келлии, идеже по единому прежде седяху. Трапеза великая и теплая, ону даде простому народу а наипаче бедным женска пола: о всех блаженный отечески соболезноваше... Повеле блаженный, келарю пекарю поварю и прочиим братиям... да всем приходящим и требующим, безпрекословно обретающаяся ядомая вещества, чесоگو кто востребует подаяти... кто бы ни пришел²³.

²⁰ «Вход внутрь монастыря отнюд женску полу возбранен бысть». — *Митрофан. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия // Прп. Паисий Величковский. Житие и избранные творения: церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А. П. Власюка. Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014. С. 232.*

²¹ Устав, § 15: «Присем же еще молим преосвященств ваших и всего духовнаго собора, да и женскому полу вход во обитель вашею богоданною властию возбранен будет, кроме общия христианом нужды яже во время брани и розмира бывает». — РНБ. Ф. 573. СПбДА. № 279. Л. 196 об.

²² *Митрофан. Житие и подвиги... С. 234.*

²³ Там же. С. 234–236.

Таким образом, нужда позволяла делать исключение из строгих правил, касающихся пребывания посторонних, включая женщин, на территории монастыря.

В 18-м параграфе устава содержится просьба к митрополиту не делать обитель паломнической, поскольку, пишет Паисий, от паломников «все-конечное общему житию было бы разорение»²⁴. Однако, не желая делать монастырь «паломническим», Паисий имеет в виду недопущение не посетителей из мира как таковых, а стихийного паломничества. Скорее всего, речь шла о том, чтобы зафиксировать в уставе возможность периодически, например в посты, закрывать монастырь для посетителей.

На то, что пребывание посторонних на территории монастыря не только не исключалось, но даже предполагалось, указывает параграф о необходимости устройства странноприимницы и больницы и обоснование этого заповедью Христа из Мф 25:35 (цитируется в § 12). При переходе в Нямецкий монастырь братия построила

и больницы и странноприимницы: зане стари, и хроми, и слепии не имущии где и главы подклонити, к нему приходяду плачуще и рыдающе моляху его, Христа ради помилovati их... Приимаша святой, якоже и здравых: определяше в болницу, и оупокоевая яко отец чадолюбивый всех повозможности²⁵.

Из приведенной цитаты следует, что братство принимало не только посторонних страждущих и больных, но и здоровых, и что Паисий предусматривал заботу обо всех. Биограф Паисия Митрофан сохранил подробное описание больничных порядков. Паисий распорядился

по вся субботы главы мыти и одежды, и от всего очищати: кровати горячею водою парити да не оумножатся блощицы: постели на солнце и на ветер полагаая часто: внутрь болниц чистоту блюсти, и всякий день ладаном или иным корением курити, да не будет воздух тяжелый: пищу отраднейшу готовить, такожде и хлеб, и вино: и бяху вси благодарни и со слезами славяху Бога: благодаряще всегда и отцу своему истинному за призрение о них²⁶.

Очевидно, что Паисий сознательно принимал в расчет необходимость заниматься посторонними. Об этом мы узнаем и из указаний о странноприимнице, содержащихся в § 14²⁷.

Странноприимниц было две: одна — внутри монастыря («приходящих ради во обитель, честных духовных и мирских лиц»), другая — вне монастыря, в том числе для тех, кто пришел со своим скотом («да приходящие во обитель и себе внутрь монастыря, и скотам своим вне монастыря

²⁴ «Не поклонен же нигдеже монастырь сущи, может благодатию Христовою и общее внем братии житие неразоримо и непоколебимо пребыти». — РНБ. Ф. 573. СПбДА. № 279. Л. 201–201 об.

²⁵ Митрофан. Житие и подвиги... С. 258.

²⁶ Там же. С. 260.

²⁷ РНБ. Ф. 573. СПбДА. № 279. Л. 194 об.–196 об.

приличествующе оупокоение и послушение обрящут»). Для службы при странноприимнице были поставлены опытные братья. При этом автор устава осознает, что в ситуации присутствия посторонних в монастыре неизбежны конфликты. Вероятно, Паисий по своему многолетнему опыту монашеской жизни знал, что настоятель может впасть в искушение оказывать особое внимание паломникам (например, знатным) и начать пренебрегать собственными братьями или, наоборот, заниматься только братией и с презрением относиться к странникам (например, к нищим). Поэтому устав требует: настоятель должен сохранять равную любовь ко всем — и к братии, и к странникам, «ко всем, во обитель приходящим нищим, болным, неимущим где главы подклонити по заповедем»²⁸ — «по заповедем Божиим», «принимать с любовью одного в странноприимнице, другого в больнице» и затем, снабдив их всем необходимым, напутствовать и отпускать с миром.

Драгомирнский устав, таким образом, амбивалентен в отношении к посторонним. С одной стороны, он недвусмысленно ограничивает их вход на территорию монастыря, с другой — допускает их при особых обстоятельствах и предусматривает заботу даже о здоровых странниках и уход за больными.

Чтобы правильно понять запретительные параграфы Драгомирнского устава и не прийти к выводу о враждебном отношении Паисия к странничеству и паломничеству как таковым, достаточно вспомнить о масштабах людского движения в XVIII в. Необходимо помнить также и о традиции неоднозначного отношения к странникам и паломникам со времен древней Церкви.

Сборник изречений египетских отцов-пустынников — *Aprophthegmata patrum* — свидетельствует о том, что уже в IV–V вв. к анахоретам массово стекался народ (и миряне, и монахи): спросить совета, получить благословение, поучиться у них и просто *посмотреть на старцев*. Целый пласт текстов содержит свидетельства о том, что пустынники по-разному относились к гостям (и мирянам, и монахам)²⁹: были монахи, готовые окормлять (утешать, наставлять) страждущих, а были и такие, которые *отказывали* в совете; были пустынники, которые принимали путников, но были и такие, которые скрывались от них.

Драгомирнский устав не просто предохраняет братию от наплыва паломников; в параграфе 15 он запрещает принимать даже странствующих и особножительных *монахов*: «Страннии же некии иноки, и свое особое имущи стяжание тамо седети поущени ни единым образом да небудут, да не будет собору от сего общаго смущения»³⁰.

²⁸ Там же. Л. 195–195 об.

²⁹ Подробнее см.: Брискина-Мюллер А. М. «Смотри за собой!» Мотив отказа в духовном руководстве в *Aprophthegmata patrum* // Труды Киевской духовной академии. 2017. 27. С. 285–307.

³⁰ РНБ. Ф. 573. СПбДА. № 279. Л. 194.

Однако и этот мотив не нов в истории Церкви. «Сарабаиты» (*sarabaiti*) и «гироваги» (*girovagi*) — «шатающиеся» монахи — упоминаются еще в первой главе устава св. Венедикта Нурсийского. Рассуждения о вреде «гнусных сарабаитов» и «гировагов» встречаются и в конце XVII в. на славянской почве — в «Киновионе»³¹ Гавриила Домецкого, архимандрита московского Симонова монастыря. Здесь это монахи, сознательно отказавшиеся от монастырского послушания, чтобы жить по своему усмотрению. Они жили в городах, у частных людей в домах, или постоянно меняли монастыри³².

Борьба с бродяжничеством вообще и с бродяжничеством монахов в частности привлекала особое внимание российских властей. Св. Синод предписывал монахам «пребывать в иноческом послушании в тех монастырях, где они отреклись от мира, не отходя в иные»³³. Самовольные переходы осуждались и запрещались под угрозой отлучения от церковного общения, причем запрет касался как шатающихся монахов, так и настоятелей, принимающих их³⁴. Особенно увеличилось число монашеских беженцев после введения в Российской империи системы штатов в 1764 г. Многие шли в Молдавию и пополняли братство прп. Паисия³⁵. Под критерии «шатающегося» монаха подпадал, кстати, и сам Паисий. Фиксируя в Драгомирском уставе запрет на прием странствующих монахов, он, очевидно, руководствовался в том числе близким знакомством с этим типом странников.

Таким образом, осторожность Паисия по отношению к внешним имеет традицию. Паисий, совершенно очевидно, был убежден в том, что паломничество и вообще любые контакты с миром должны быть сознательными, организованными и что странничество не должно быть бездумным. Однако и этот пункт Драгомирского устава не соблюдался при переезде братства в Нямецкий монастырь. Митрофан свидетельствует: в Нямеце

³¹ Содержание «Киновиона» Гавриила Домецкого см.: Попов Н. Рукописи Синодальной (патриаршей) библиотеки. Вып. II. Рукописи Симонова монастыря. М.: Тип. и словолитня О. О. Гербека, [Б.г., ок. 1908–1910]. С. 40. — Бенедикт Нурсийский считал, что гироваги хуже сарбаитов (*Regula*, cap. 1).

³² Подробнее о причинах монашеского скитальчества см.: Яременко М. Київське чернецтво XVIII ст. (особенно главу «*Monachi vagabundi*»). С. 73–84.

³³ Калашиников С. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Св. Синода (1721–1901 включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания. 2-е изд. СПб.: Изд-во И. Л. Тузова, 1902 (Указ № 1361).

³⁴ Духовный регламент и определение Св. Синода от 21 мая 1722 г. также предусматривают штраф для обеих сторон. Подобные запреты содержатся также в Уставе Духовной консистории, ст. 82 и 196. См. также: Указ Св. Синода от 8 января 1891 г. и от 25 сентября 1901 г. (Калашиников С. Алфавитный указатель... С. 277).

³⁵ Архим. Никодим (Кононов) указывает на то, что в эти годы Св. Синод публиковал бесчисленные указы об отыскании беглых монахов. См.: Никодим (Кононов), архим. Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский. М.: Изд-во Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1909. С. 29.

приходящие же страннии монахи предпочиваху елико хотяху, седмицу две и месяц, никтоже рече и едино слово, почто седеши праздно ядый общий хлеб: инии же моляху и презимовати, не отвращаше и иных, но приимая благословяше: отходящих же не истязоваше, но дав на путь отпускаше с миром³⁶.

При переходе братства в 1779 г. в Нямец соблюдать параграфы устава, ограничивавшие доступ посторонних на территорию монастыря, стало невозможно: вход в Нямецкий монастырь был всегда открыт паломникам, приходившим поклониться хранившейся здесь почитаемой иконе Божией Матери³⁷. Паисий буквально заболел, получив приказ молдавского господаря Константина Морузя о переезде из тесного, но безмолвного Секула в шумный Нямец. Братья боялись уже за его жизнь: «И толико оумножися и объят душу его безмерная печаль, что не можаше ни ясти ни пити ни спати и изнеможе телом зело»³⁸.

Больше всего народу собиралось в Нямце на Вознесение. Чтобы справиться с потоком людей, желающих поговорить с ним, Паисий экономил время даже на еде и ел по ночам³⁹. Чтобы хоть как-то сохранять контроль над ситуацией, Паисий установил дежурство: днем и ночью специально выбранные для этого братья следили за порядком в монастыре:

Начинающуся празднику определяше братий благоговейных и страха Божия исполненных, надзирати за братьями обходяще день и ночь, да не произыдет некий соблазн; и братия же ведуще волю отца своего, другдруга оберегаху⁴⁰.

Биограф Паисия Митрофан свидетельствует о том, что в монастырь стекалось

собрание народа множество безчисленное обоего полу и чина: не точию от Молдавии, но и от иных стран далеких... богатых и оубогих, монахов и мирских: всех же по возможности, вторый страннолюбием Авраам тща-шея оупокоевати... тогда и оутеснение дней три или четыре братии бы-вает... А блаженный четыре дны не имать покоя, от оутра до вечера двери отверзты и всякому желающему приити невозбранно к нему⁴¹.

Единственный вид странноприимства, которого Паисий долгое время избегал, — это прием знатных гостей. Живя в Секуле, «блаженный», как пишет биограф Митрофан,

³⁶ Митрофан. Житие и подвиги... С. 260.

³⁷ Там же. С. 260–261.

³⁸ Там же. С. 254. — Переживания, связанные с необходимостью переезда в Нямец, и обстоятельства переезда описаны Митрофаном в житии прп. Паисия. См.: Там же. С. 246–256.

³⁹ Там же. С. 262.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 260–262.

и о том доволен бе яко никтоже стужаше приездом посещения ради его: вси бо великии боляре всеусердно желяху посетити и видети святого мужа, сподобитися благословения от него и насладитися духовныя беседы: но бохуся жестокаго и претруднаго онаго пути [в Секул] ⁴².

По переезде братства в Нямецкий монастырь Паисий был вынужден научиться не только справляться с потоками паломников, но и принимать высоких гостей.

Условия и ритм жизни в Нямце полностью противоречили представлениям Паисия о монастырской жизни. Да и среди братьев начался ропот: юные монахи отвлекались на паломников, старшие монахи пребывали в раздражении из-за постоянного присутствия посторонних на территории монастыря, мир в братстве серьезно поколебался:

Приездяху... и седяху елику хотяху: в церкви же вси вкупе: юным не хранящим чувства своя, сеть готова погибели, старым негодование не хотящим ниже слышати о приезде их, блаженному старцу стужание, и о вреде братий соболезнование и скорбь ⁴³.

И тем не менее Паисий, очевидно, был способен ничем не выдавать неудовольствия по отношению к тем, кто так явно нарушал покой братии. Формулировка из жития, описывающая его как «второго по странности Авраама» ⁴⁴, на первый взгляд, выглядит житийной стилизацией; на проверку оказывается, что она лишь в характерной для этой среды манере описывает реальную особенность Паисия, сохранившуюся и, видимо, укрепившуюся на фоне перемен такого масштаба, как переезд братства в паломнический Нямецкий монастырь.

Паисий, как следует из всей его жизни, начиная с незапланированного и долго отодвигавшегося приема первых учеников, не любил никого прогонять ⁴⁵. Перефразируя известную евангельскую максиму, можно сказать, что он жил по принципу «устав для монаха, а не монах для устава». В § 8 Драгомирнского устава он пишет, что от любого богоугодного дела следует отказаться, если оно ведет к нарушению какой-либо заповеди. Выбирая между уставом и заповедью о любви к ближнему, между уставом

⁴² Там же. С. 244.

⁴³ Там же. С. 268.

⁴⁴ Там же. С. 262: «второй странности Авраама». Митрофан прожил вместе с Паисием 30 лет.

⁴⁵ Достаточно бросить взгляд на описание роста братства: «Собор же день от дне оумножашеся и никакоже можаше блаженный отказатися не примати приходящих (курсив мой. — А. Б.-М.), слезным молением стужающих прияти их в послушание и оученичество: что не предлагаше что не глаголаше, тесноту келлий, труд послушания, нужду в телесных потребах, и во всем скудость. Но елико он отказывая отсылаше их то они паче и паче припадающе к ногам его плачуще и рыдающе молях приятыми быти. Оубеждаем бысть слезами их милосердный отец наш... приимаше» (Митрофан. Житие и подвиги... С. 244).

и людьми, появлявшимися в воротах его монастыря и нарушавшими сложившийся ритм жизни, он выбирает людей⁴⁶.

Став основателем и духовным руководителем братства, Паисий в течение 40 лет постоянно сталкивался с вопросом о том, как быть с чужими. Но при этом он и сам более 50 лет (из 72) фактически жил в роли чужака, иностранца и был постоянно окружен людьми, бывшими для него иностранцами.

В юности, после ухода из Киево-Печерской Лавры, он около четырех лет прожил в Молдавии, откуда ушел на Афон. На Афоне братство Паисия Величковского, с точки зрения как турецких властей, так и греков-афонитов, практически целиком состояло из иностранцев — славян и румынов. Живя в чужой грекоязычной среде, Паисий в первые годы своего пребывания на Афоне выжил исключительно благодаря помощи болгарских и сербских монахов. Первые восемь братьев, присоединившихся к украинцу Паисию и составившие костяк будущего братства, были румынами. Переселившись с Афона в Молдавию, Паисий следующие 30 лет, уже до самой смерти, остается иностранцем и осознается таковым румынской средой, в которой он жил и которая далеко не всегда была настроена дружелюбно к пришельцам из Российской империи. Румынский историк Николае Йорга называет его даже «единственным (курсив мой. — Авт.) полезным странником, пришедшим... из-за Днестра»⁴⁷.

17-й пункт Драгомирнского устава гласит, что настоятель должен избираться из числа братьев. Среди требований к настоятелю, перечисляемых здесь, упоминается хорошее владение тремя языками, «ибо братство наше трехязычное». Настоятель должен владеть греческим, славянским и молдавским или, в крайнем случае, двумя языками — молдавским и славянским. В братстве Паисия были монахи десятка национальностей⁴⁸. При этом Паисий сознательно сохраняет и поддерживает это многоязычие. В Драгомирне и Секуле в зимнее время, когда вся братия находилась

⁴⁶ Об этом пишет и Юзеф Куффель, указывая на то, что заповедь о любви к ближнему для Паисия стояла выше монашеского подвига. — *Kuffel J. W. Drodze na Tabor. Theosis w zyciu i twórczości św. Paisjusza Wieliczkowskiego. Kraków: Wydawnictwo Promo, 2005. S. 93.*

⁴⁷ См.: *Iorga N. Mănăstirea Neamțului. Viața călugărească și munca pentru cultură. Vălenii de Munte: Editura tipografiei Monastirii Neamtu, 1912. С. 44 (2-е изд.: Iorga N. Mănăstirea Neamtu: Editura tipografiei Monastirii Neamtu, 1925);* цит. по: *Ică Ioan jr. Posteritatea românească a paisianismului și dilemele ei // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte. Sibiu: Editura Deisis, 2015. P. 57–86.*

⁴⁸ Паисий сам перечисляет несколько национальностей в уставе-письме 1778 г. и говорит о хороших отношениях между братьями: «и греки, и болгары, и румыны, и славяне» (*Așezământul vieții de obște de la Secu. P. 226*). См. также у архим. Никодима Кононова: «В монастырях архим. Паисия Величковского, по свидетельству Феофана, архиеп. Новоезерскаго, бывшего в Валахии в 1778 г., собралось братии из *всех наций* (курсив мой. — А. Б.-М.) до 1000 человек» (*Кононов Никодим, архим. Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский. С. 29*). Следует заметить, что дата здесь, видимо, указана ошибочно. В 1778 г. братство находилось еще в монастыре Секул и насчитывало около 200 монахов (ср. сведения, дающиеся Митрофаном (с. 242), он пишет также, что в братстве Паисия были разноязычные монахи из 9 стран (*Митрофан. Житие и подвиги... С. 288*).

в монастыре, он проводит вечерние соборные поучения — попеременно на славянском и молдавском языках. Фактически это была двуязычная, славяно-румынская школа монашеской жизни с ежевечерними занятиями⁴⁹. Кроме того, он создает, говоря современным языком, школу перевода и с этой целью посылает отдельных братьев в Бухарестскую академию учиться греческому языку.

Многоязычие не считается у Паисия чем-то *подлежащим преодолению*. Иными словами, Паисий не считает, что братство должно быть славяноязычным, раз оно основано им, славянином; или что братство должно быть румыноязычным, раз оно живет в Молдавии. При этом если вспомнить, что в XVII в. даже очень близкие по языку западнорусские и северорусские монахи, оказавшись по воле патриарха Никона в одном монастыре, ощущали друг друга чужими именно из-за языковых различий, то становится ясно, что подобная открытость Паисия к таким разным языкам, как греческий, румынский и всевозможные славянские, была отнюдь не само собой разумеющейся: в эпоху формирующегося национального самосознания православных (особенно балканских) народов Паисий оказывается выше любого рода национального и языкового превосходства⁵⁰. В этом смысле можно сказать, что он «плыл против течения» нарастающих в ту эпоху православных национализмов, но в то же время не нивелировал национальное, а заботился о сохранении национальных языков в братстве.

Какая церковно-историческая или, может быть, духовная «парадигма» просматривается в жизни и трудах Паисия Величковского? Какие обстоятельства сделали его способным и к подобному образу мысли, и к созданию подобной «концепции» устава и к его воплощению в ежедневной жизни братства? Какая среда, какие обстоятельства сформировали «странника» и «странноприимца» Паисия Величковского?

Без всякого сомнения, очень многим он был обязан своей учебе в Киевской академии⁵¹, созданной по европейским образцам, впитавшей в себя украинское и румынское⁵² православие под греческим благословением — на

⁴⁹ После переезда в Нямец эти занятия прекратились, что было предметом скорби как для Паисия, так и для его братьев. Этот мотив встречается многократно, см., напр.: *Митрофан. Житие и подвиги...* С. 266–268.

⁵⁰ Подобные наблюдения делает и Иоан Икэ мл., полемизируя с интрепретацией заслуг Паисия, принятой в 1980–1990-х гг. в монастыре Бистрица и представляющей его в роли возродителя национального румынского духа. См.: *Ică Ioan jr. Posteritatea românească a paisianismului și dilemele ei.* P. 74–76.

⁵¹ Киевская академия в те годы еще не была «духовной»; академиями в ту эпоху часто назывались университеты. Паисий получил гуманистическое образование. Подробнее об этом см.: *Брискина-Мюллер Анна.* Влияние духа гуманизма и Просвещения на жизнь и труды воспитанника Киевской академии Паисия Величковского // *Труды Киевской духовной академии.* 2016. 25. С. 249–264.

⁵² Румыно-украинские церковные связи — вопрос, заслуживающий отдельного исследования. Как известно, основатель Киевской академии Петр Могила был сыном господаря Валахии и Молдавии, родился и вырос в Молдавии; румынского происхождения был и преосвященный Сильвестр Кулябка (во времена учебы прп. Паисия в Киевской

латинском языке. Свою роль сыграло, безусловно, и малороссийское происхождение Паисия. В малороссийских землях всегда сохранялись активные связи как с византийским Востоком, так и с Русским Севером, как с Московским государством, так и с латинским Западом — с западнорусскими землями, находившимися под властью Речи Посполитой. Здесь жили и евреи, еврейские корни есть и у самого Паисия⁵³. Малороссия переплавилась в себе множество культур, языков и политических настроений.

Имея за плечами малороссийское происхождение и образование, полученное в «Киевских Афинах»⁵⁴, пройдя множество скитов и монастырей, испробовав на себе разные формы монашества, находясь в постоянном контакте с носителями разных языков и культур, а также с носителями разных представлений о назначении монашества⁵⁵, Паисий стал обладателем совершенно уникального набора «квалификаций», сделавшего его настоящим сыном эпохи и, в известном смысле, духовным родственником современников, находящихся «по ту сторону» православия, — мыслителей европейского Просвещения.

Никогда сам не быв в послушании, но по прочтении аскетических Отцов — убежденный в его необходимости, он находит уникальный компромисс: практику взаимопослушания. Не имея учителя, но убежденный в необходимости руководства, Паисий берет себе в учителя книги — Св. Писание и святоотеческие творения, фактически постулируя тем самым возможность спастись, во-первых, «по книгам», а во-вторых, самостоятельно. Не имея возможности жить той монашеской жизнью, к которой он стремился на родине, он меняет культурную и языковую среду и переходит жить в Молдавию, затем на Афон, а затем — уже с многоязычным братством — опять в Молдавию. Странничество, многоязычие, взаимопослушание и непрестанное чтение, или, говоря современным языком, мобильность, мультикультурная среда, отказ от духовного доминирования и доверие к «уму» (к умным, интеллектуальным, занятиям, умной молит-

---

академии он был префектом, а с 1740 г. — ректором академии; в автобиографии Паисий описывает свой диалог с ним (см.: *Величковский Паисий, прп. Повесть о святом соборе*. С. 32–36). Если обратиться к более позднему периоду, можно вспомнить митр. Гавриила (Бэнулеску-Бодони), учившегося в юности два года в Киевской академии, занимавшего Киевскую кафедру с 1799 по 1801 гг., а также жившего одно время в Полтаве. О «румынском элементе» пишет, к сожалению, слишком кратко (ограничиваясь перечислением нескольких имен) и К. В. Харлампович (*Харлампович К. В. Малороссийское влияние...* С. XIV).

⁵³ О своем еврейском происхождении с материнской стороны прп. Паисий пишет в самом начале своей автобиографии. См.: *Величковский Паисий, прп. Повесть о святом соборе*. С. 12.

⁵⁴ Епископ Гедеон Смоленский в своем письме Киевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому от 17 июля 1739 г. (т. е. в период учебы Паисия в академии) сравнивает Киевскую академию с античными Афинами. См.: *Булгаков М. История Киевской Академии*. СПб.: Тип. Константина Жернакова, 1843. С. 191.

⁵⁵ См.: *Брискина-Мюллер Анна*. Спор об уставе между Паисием Величковским и Афанасием Молдаванином. Страница истории Афона и паисиянского братства // *Афонское наследие*. 2017. 5–6. С. 256–285.

ве, уверенность в необходимости апеллировать к разуму), т. е. разумность, *рациональность*, — вот тот фундамент, на котором создавался и созрел Паисиев «проект», позволяющий рассматривать его как часть просвещенческого «проекта».

Во всем, к чему прикасался Паисий, — будь то новые переводы святоотеческих текстов или редактирование старых переводов, будь то решение проблемы странничества и паломничества и пр. — просматривается типичное для эпохи стремление к «оптимизации» (уверенность в возможности «улучшить», своего рода вера в прогресс). Черты просвещенческого проекта выдает и степень продуманности в устройстве больницы и странноприимницы. Кажущаяся амбивалентность устава в отношении к посторонним на поверку оказывается сознательным ходом. Ограничения становятся рациональными организационными рамками, делающими возможным компромиссное решение проблемы: как ограждение братьев от общения с посторонними, от «молвы», так и прием посторонних, нуждающихся в «безмолвии». Просвещенческий проект просматривается и в не лишенном утопичности, но типичном для эпохи зафиксированном в уставе требовании *равной* любви настоятеля к братьям и странникам. Типично просвещенческий момент улучшения («прогресса») просматривается и в стремлении Паисия оградить братьев от странствующих и особенножительствующих, т. е. неправильных, монахов. Паисий создает *улучшенное* монашество и действует при этом «по книгам» (то обстоятельство, что он сам при этом интерпретировал свои действия как «следование отцам», т. е. святоотеческому *авторитету*, ничего не меняет в принципиально самостоятельной, разумной, книжной установке Паисия). Другая типичная черта эпохи Просвещения — наднациональность с одновременно бережным отношением к национальному — поражает в Паисии как своим масштабом осознанности, так и нетипичностью для православной среды того времени. У Паисия все *разумно*.

Здесь многое сплелось: и «Киевские Афины», и эпоха, и личный генний Паисия, и обстоятельства, водившие его по разным странам и весям. Паисий, и «странник», и «странноприимец», был готов допустить «чужое», «странное» в свою жизнь, но и сам имел мужество быть «чужим», странником между Египетской пустыней и Европой Нового времени, между монашеством и Просвещением.

Статья поступила в редакцию 17 апреля 2019 г.

Статья рекомендована к печати 16 мая 2019 г.

Информация об авторе:

Брискина-Мюллер Анна Михайловна — д-р богословия, науч. сотр.;
briskina_mueller@saw-leipzig.de

Wanderers, Refugees and Pilgrims. Blessed Paisus Velichkovsky and the Problem of Pilgrimage

A. M. Briskina-Müller

Saxon Academy of Sciences and Humanities to Leipzig,
Research Centre Spenerbriefe Edition in the Francke Foundations
Franckeplatz 1/ 24, Halle (Saale), 06110, Germany

For citation: Briskina-Müller A. M. Wanderers, Refugees and Pilgrims. Blessed Paisus Velichkovsky and the Problem of Pilgrimage. *Issues of Theology*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 235–251. <http://doi.org/10.21638/spbu28.2019.204> (In Russian)

St. Paisius Velichkovsky (1722–1794) is known above all as the reformer of spiritual eldership as well as the translator of the patristic texts included in *Dobrotolubiye (Philokalia)*. Less well known is his role as the abbot of the brotherhood founded by him on the Holy Mount which lived on later in monasteries of Moldavia. While the trend towards national liberation as well as separation of national Churches and, at the same time, intra-Orthodox intolerance were growing among the Slavic Balkan peoples, Paisius spiritually guided monks from about ten nationalities, introduced bilingual (Slavic and Romanian) worship services and bilingual doctrinal talks for his brothers, and carried out correspondence in three languages (Slavic, Romanian, Greek). With his own experience of being a wandering monk and with his knowledge of the monastic life of three different cultural and political spaces (the Russian Empire, Moldavia, and Athos), as well as his experience of mutual obedience, Paisius was able to maintain both multilingualism and unanimity in such a heterogeneous brotherhood. Multilingualism, mutual obedience and continuous reading formed the basis on which Paisius' *project* was created, carrying not only the traditional elements of Eastern monasticism, but also the features of the epoch, allowing it to be considered also as part of the Enlightenment's *project*.

Keywords: monasticism, wandering, hospitality, pilgrimage, laypeople in the monastery, the Orthodoxy in the 18th century, the Kievan Academy, the Orthodoxy and the Enlightenment.

References

- Așezământul vieții de obște del la Mănăstirea Dragomirna (2010), in: Sf. Paisie de la Neamț. *Cuvinte și scrisori duhovnicești*, vol. 2. [S.l.], Editura Doxologia, pp. 109–136.
- Așezământul vieții de obște de la Secu (2010), in: Sf. Paisie de la Neamț. *Cuvinte și scrisori duhovnicești*, vol. 2. [S.l.], Editura Doxologia, pp. 220–231.
- Briskina-Müller Anna (2016) “The influence of the Humanism’s and the Enlightenment’s Spirit on the Life and Work of the Kievan Academy’s Pupil Paisius Velichkovsky”, in *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, 25, pp. 249–264. (In Russian)
- Briskina-Müller Anna (2017) The motive of rejecting the spiritual guideness in the “Apophthegmata partum”, in *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*, 27, pp. 285–307. (In Russian)
- Briskina-Müller Anna (2018) Reading as a Forgotten Category of the Ascetical Theology by St. Isaak of Nineveh, Gregory of Sinai and Paisius Velichkovsky. *Bogoslovskii vestnik*, 31, pp. 93–122. (In Russian)
- Briskina-Müller Anna (2017) “Typikon Dispute between Paisius Velichkovsky and Atanasie Moldovanul”, in *Afonskoe nasledie*, 5–6, pp. 256–285. (In Russian)
- Bulgakov M. (1843) *History of the Kievan Academy*. St. Petersburg, Tipografia Konstantina Zhelakova. (In Russian)
- Chetverikov Sergii, prot. (2006) *The Moldavian Elder Paisius Velichkovsky*. Minsk, Izdatel'stvo Sviato-Elizavetinskogo monastyria Publ. (In Russian)

- Grigorovich-Barskii Vasilii (1885) *The Pilgrimage to Holy Places of the East from 1723 to 1747*. Ch. I. St. Petersburg, Tipografia V. Kirshbauma Publ. (In Russian)
- Îcă Ioan jr. (2015) "Posteritatea românească a paisianismului și dilemele ei", in Paisie de la Neamț. *Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte*. Sibiu, Deisis, pp. 57–86.
- Iorga N. (1925) *Mănăstirea Neamțului. Viața călugărească și munca pentru cultură*. 2nd ed. [S.l.], Mănăstirea Neamțu.
- Kalashnikov S. (1902) *An Alphabetical Index of Curent Canonical Regulations, Decrees, Directives and Orders of the Holy Synode (1721–1901) and Civil Laws Concerning the Spiritual Department of the Orthodox Confession*. St. Petersburg, Tipografia I. L. Tuzova Publ. (In Russian)
- Kharlampovich K. V. (1914) *The Little Russia's Influence on the Great Russia's Church Life*, rus. ed. Vol. 1. Kazan, Tipografia Knizhnogo magazina M. A. Golubeva Publ. (reprint: Hugae; Paris, "Muton" Publ., 1968). (In Russian)
- Kononov Nikodim, arkhim. (1909) *The Elders: Father Paisius Velichkovsky and Father Makarius of Optina and Their Literary Ascetic Activity*. Moscow, Afonskii Russkii Panteleimonov monastery' Publ. (In Russian)
- Kuffel J. (2005) *W drodze na Tabor. Theosis v žiciu i twórczości św. Paisjusza Wieliczkovskiego*. Kraków, Wydawnictwo Promo.
- Mitrofan (2014). *The Life and Ascetic Labours of Our Father, Elder Paisius*.; prp. St. Paisius Velichkovsky. *The Life and Selected Works*. Church Slavonic Text with Parallel Translation into Russian by A. P. Vlasyuk. Serpukhov, Nasledie Pravoslavnogo Vostoka Publ., pp. 163–303. (In Russian)
- Pelin Valentina (2014) *Paisianismul in contextul cultural și spiritual sud-est și est european (sec. XVIII–XIX)*. Chișinău, Editura Pontos.
- Popov N. (1908–1910 (?)) *The Manuscripts of the Synodal (Patriarchal) Library. Iss. II. Manuscripts of the Simonov Monastery*. Moscow, Tipografia i slovolitnia O. O. Gerbeka Publ. (In Russian)
- Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie (2010). *Sfântul Paisie de la Neamț, Cuvinte și scrisori duhovnicești*, in 2 vols, vol. 2. [S.l.], Editura Doxologia, pp. 38–108.
- Smirnov S. (1913) *The Spiritual Father in the Old Russia. A Study of the History of the Church Day-to-day Life*. Moscow, Sinodal'naia tipografia Publ. (In Russian)
- Spiritual reglament*. St. Petersburg, Sinodal'naia tipografia Publ., 1776. (In Russian)
- Tal'berg N. (1959) *History of the Russian Church*. Dzhordanvill; New York, Sviato-Troickii monastery, Tipografia prep. Iova Pochaevskogo Publ. (In Russian)
- Turchinovskii Iliia (1885) *Autobiography of a South-Russian Priest from the First Half of the 18th Century. Kievskaiia starina*. Kiev, Tip. G. T. Korchak-Novitskogo Publ., no. 2, pp. 31–32. (In Russian)
- Velichkovskii Paisii, prp. (2014) *History of the holy brotherhood*. Prp. Paisii Velichkovskii. *Zhitie i izbrannye tvoreniia*. Tserkovno-slavyanskii tekst s parallel'nym russkim perevodom A. P. Vlasyuka. Serpukhov, Nasledie Pravoslavnogo Vostoka Publ., 2014, pp. 10–161. (In Russian)
- Velichkovskii Paisii, prp. (2014) *The first letter to the priest Dimitry*, in Prp. Paisii Velichkovskii. *Zhitie i izbrannye tvoreniia*. Tserkovno-slavyanskii tekst s parallel'nym russkim perevodom A. P. Vlasyuka. Serpukhov, Nasledie Pravoslavnogo Vostoka Publ., pp. 388–417. (In Russian)
- Yaremko Maxim (2007) *The Kievan Monasticism in the 18th Century*. Kiev, Kiev-Mogiljans'ka akademiia Publ. (In Ukrainian)
- Znamenskii P. V. (2003) *The Parish Clergy in Rus'. The Parish Clergy in Russia Since the Reforms of Peter*. St. Petersburg, Kolo Publ. (reprint). (In Russian)

Received: 17.04.2019

Accepted: 16.05.2019

Author's information:

Anna M. Briskina-Müller — Dr. in Theology, Researcher;
briskina_mueller@saw-leipzig.de